

УДК-947.085(476)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг.

Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943

Е.А. Пушкаренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос агитационно-пропагандистского обеспечения вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг. (на материалах Генерального округа Беларусь). Цель работы: проанализировать содержание немецкой пропаганды для женщин, выявить ее цели, определить эффективность, сравнить ее с реальной политикой оккупационных властей. Исследование проведено на основе материалов пропаганды и нормативных актов немецких оккупационных властей. Автор считает, что актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса» не принесла оккупационным властям ожидаемых результатов. Факторами, существенно снижающими эффективность пропаганды и агитации, стали методы борьбы с партизанами, практикуемые силами СС и СД, карательные экспедиции против мирного населения в зонах действия партизан, насильственный характер мобилизации на работу в Германию, очевидное расхождение между содержанием пропаганды и реалиями оккупационной жизни.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, гендерный аспект, вербовки, Великая Отечественная война, оккупационная политика, Генеральный округ Беларусь, В. Кубе, феномен белорусского женского коллаборационизма

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. 2022. Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 175–185. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941-1943.

Elena A. Pushkarenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Belarusian SSR in 1941–1943. The research based on the materials of the General District of Belarus. The purposes of the work are to

analyze the content of German propaganda for women, to identify its goals, to determine its effectiveness, to compare it with the real policy of the occupation authorities. The study was conducted on the basis of propaganda materials and regulations of the German occupation authorities. The main sources of the work were the documents of the National Archive of the Republic of Belarus, as well as a number of scientific studies. The author believes that the actualization of the «women's issue» in German propaganda did not bring the expected results to the occupation authorities: both participation in so-called public organizations (collaborationist) and the nature of recruitment actions were overwhelmingly forced. The factors that significantly reduce the effectiveness of propaganda and agitation were the methods of combating partisans (bush-fighters) practiced by the SS and SD forces, punitive expeditions against civilians in the partisan zones, the violent nature of mobilization to work in Germany, the obvious discrepancy between the content of propaganda and the realities of occupation life.

Keywords: German propaganda, gender aspect, recruitment, the Great Patriotic War, occupation policy, the General District of Belarus, V. Kube, the phenomenon of Belarusian women's collaboration

For citation: Pushkarenko E.A. 2022. Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 175–185 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185

Введение

В настоящее время человеческая цивилизация сталкивается с различными вызовами, одним из которых является проблема гендерной самоидентификации. Попытки изменить представления социума о половой принадлежности неизбежно влекут за собой трансформацию гендерных ролей и статусов. Вышеназванный вопрос имеет достаточно глубокие исторические корни и отнюдь не является новейшим феноменом. Гендер как фактор социального статуса и определенной ментальности учитывался нацистским руководством в годы Второй мировой войны. Пропагандисты «Третьего рейха» попытались сломать стереотипы традиционного немецкого общества. Официальная пропаганда поощряла рождение детей даже вне брака, главным условием было «арийское» происхождение родителей. В медиапространстве нацистской Германии циркулировали две гендерные установки: рожать детей как можно больше и что у детей могут быть разные отцы. Актуализация «женского вопроса» была также характерна для немецкой пропаганды на территории оккупированных европейских стран, в том числе СССР. Немецкие пропагандисты учитывали гендер как фактор социального статуса, социальной психологии, особого менталитета и социального поведения в ходе вербовочных кампаний и агитационно-пропагандистских акций.

Активное исследование феномена гендера как фактора пропагандистской деятельности нацистов в Германии и на оккупированной территории европейских стран и СССР началось сравнительно недавно. Например, российский историк А.М. Ермаков проанализировал характер распределения гендерных ролей в нацистской Германии, указав, что социальная роль германских женщин была сведена исключительно к рождению детей [Ермаков, 2010, с. 65–71].

Исследователь М.Д. Билалутдинов изучил содержание публичных выступлений и публикаций министра пропаганды Й. Геббельса, в которых шла речь о роли и месте женщины в нацистском государстве [Билалутдинов, 2007, с. 71–74].

Австрийская исследовательница А.М. Зигмунд провела анализ биографий известных женщин «Третьего рейха», определив их социальные роли и статусы, особенности социального роста в условиях германского социума 1930-х гг. [Зигмунд, 2000].

Белорусский историк И.В. Николаева провела исследование формирования образа женщины в оккупационной периодической печати на территории Беларуси в 1941–1944 гг. [Николаева, 2018, с. 323–325].

Отдельные стороны вышеназванной проблемы уже получили освещение в работах автора ранее [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 133–137]. Автор осуществила анализ содержания материалов пропаганды для женщин на территории оккупированной Советской Белоруссии. Было отмечено, в частности, что в немецкой пропаганде «гендерный аспект проявлялся во всем: и в учреждении так называемых «женских» организаций, и в содержании агитационных материалов, и в официальных обращениях к местному населению» [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 133].

В данном исследовании проведен анализ материалов пропаганды для женщин и оккупационной политики в отношении женщин на территории Генерального округа Беларусь. Последний занимал около четверти довоенной территории БССР и включал в основном западные и часть центральных районов. Округ был учрежден 17.07.1941 г. и входил в состав рейхскомиссариата Остланд. Главой округа был Генеральный комиссар (с 01.09.1941 по 22.09.1943 – В. Кубе и с 23.09.1943 по 06.1944 – К. фон Готтберг соответственно). Административно округ делился на 10 «гебитов» во главе с «гебитскомиссарами».

Объект и методы исследования

Объектом исследования стала немецкая пропаганда для женщин и оккупационная политика в отношении женщин на территории Генерального округа Беларусь. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение. В частности, были проанализированы материалы агитационно-пропагандистского содержания для белорусских женщин-остарбайтеров, а также содержание нормативных актов-приказов, циркуляров, распоряжений немецкой администрации округа, министерства Остланд и «имперских» властей «Третьего рейха». Особым объектом анализа стал феномен белорусского женского коллаборационизма и пропагандистские материалы белорусских коллаборационистов для женщин. В ходе исследования было проведено сравнение содержания пропагандистских материалов, адресованных женской аудитории, и реального положения белорусских женщин-остарбайтеров в нацистской Германии, их правового статуса и социальных прав. Результаты исследования были обобщены и подготовлены к публикации. Цель работы: проанализировать и сравнить содержание немецкой пропаганды для женщин и реальной политики немецких оккупационных властей в отношении женского населения, выявить тематические направления пропаганды, в которых учитывался гендерный фактор, определить цели пропаганды и ее эффективность.

Результаты и их обсуждение

Уже первые публичные обращения немецких властей к населению Генерального округа Беларусь были построены с учетом гендерных характеристик. Это были не усредненные обращения, принятые в советском официально-деловом этикете, такие как «товарищи» или «граждане», а «белорусы и белоруски» [Шлоотц, 1996, с. 33], «работники и работницы» [НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 3. Л. 46], «юноши и девушки», «уважаемые подруги и друзья» [Беларуская газета. 24.05.1944]. В одной из статей в оккупационном издании читаем: «Мужчины и женщины, юноши и девушки, отправляйтесь в прекрасную Германию!» [На работу в Германию // Новый путь. 06.12.1942]. Такая дифференциация гендера резко контрастировала с прежними унифицированными советскими обращениями, которые, как правило, не отражали поло-возрастную принадлежность адресата. В целом это служило дополнительным психологическим фактором верификации преподносимой оккупационными властями информации.

Адресные обращения к женской аудитории были характерны в основном для двух тематических направлений пропаганды. Первое из них было ориентировано на потенциальных остарбайтеров и являлось своего рода вербальным стимулом мобилизации белорусских работниц на предприятия «рейха». Идеализированный образ т. н. «Новой Евро-

пы» должен был привлечь рабочие руки с Востока и восполнить кадровый резерв в военной промышленности Германии. Второе тематическое направление – антисоветское – было тесно взаимосвязано с первым и включало социальную рекламу трудовых отношений и социальных гарантий в нацистской Германии, с одной стороны, и критику советской модели взаимодействия в сфере производства, оплаты труда и решения социальных вопросов, с другой стороны. Население оккупированной Советской Белоруссии пытались убедить, что именно Германия является страной истинного социализма, где каждого честного труженика ждет достойное место. «Белорусы и белоруски! Германия – самая социалистическая страна в мире – должна вместе с пробудившимися народами спасти Европу от чумы большевизма», – являлось стандартным обращением в агитационных кампаниях по проведению вербовок [Шлоотц, 1996, с. 57]. «Памятка для восточных рабочих» от 01.04.1942 года также начиналась с дифференцированного гендерного обращения «Рабочие! Работницы!». В документе подчеркивалось, что вермахт «освободил» население Востока «от террора Сталина и большевистско-еврейских комиссаров», а национал-социалистическое правительство дает им гарантии по трудоустройству в Германии, где они получают «порядочное, справедливое и человеческое обращение» [Белорусские остарбайтеры, 1996, с. 85].

Примером второго тематического направления, основанного на принципе социальной рекламы, является обращение командующего тылом группы армий «Центр» М. Шенкендорфа, в котором аудитория также различалась по гендерному признаку. «Мужчины и женщины освобожденных от большевизма территорий!» – начинался текст документа. В обращении Шенкендорфа присутствуют самые различные аспекты – и гендерный, и социально-политический, и культурно-исторический, – что в совокупности свидетельствует о большом значении, которое придавали оккупационные немецкие власти пропаганде и агитации. В документе акцентировалось внимание на перспективах культурного развития, возможности знакомств с интересными людьми и даже путешествий в случае, если молодые работоспособные белорусы и белоруски сделают свой выбор в пользу Германии. Утверждалось, что «работа в Германии откроет перед Вами ворота высококультурной страны», а также «основы упорядоченной и счастливой жизни» [НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6. Л. 17].

Немецкая пропаганда в основном использовала два типа аргументов для женского населения округа. Они учитывали психологию, социальные и культурные обстоятельства жизни женщин, ряд исторических особенностей формирования менталитета. В частности, первый апеллировал к чувствам женщины-матери, эксплуатируя образ жизни женщины в традиционном социуме (дом, дети, забота о домочадцах) и противопоставляя ему образ советской эмансипированной женщины. Немецкие пропагандисты говорили о превращении советской женщины в рабочий механизм, что стало результатом прихоти советских руководителей, что борьба за равенство с мужчинами обернулась непомерной и жестокой эксплуатацией женского труда и потенциальной угрозой стать невинной жертвой политических репрессий. Утверждалось, что советская женщина лишена радости материнства, будучи обреченной трудиться на производстве или в колхозе; она не может самостоятельно воспитывать своих детей, заботиться о доме. С другой стороны, пропаганда стремилась создать некий идеальный образ немецкой женщины-матери, труд которой хотя и используется на благо воюющего «фрэйха», однако национал-социалистическое правительство Германии не забывает о том, что каждая германская женщина должна быть окружена его заботой и вниманием. Типичными в этой связи были радиопрограммы и газетные статьи под названием «Женщина в Германии и СССР», в которых проводилось сравнение социального и правового статуса советских и немецких женщин [НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 52. Л. 42]. В целом вопросам защиты материнства и дет-

ства в Германии, сохранения семейных ценностей, улучшения правового статуса немецкой женщины в материалах пропаганды уделялось особое внимание.

Вторая группа аргументов исходила из вполне естественного человеческого желания жить лучше, повысить свой социальный статус и уровень культуры и образования. В соответствии с этим подходом традиционная немецкая семья и социально-правовые условия жизни и труда в нацистской Германии объявлялись эталоном для «освобожденных» женщин Востока. Этот тип аргументов был построен на стремлении женщин жить и работать в достойных условиях, которые позволяют совмещать традиционные женские роли и статусы с необходимостью работать. Утверждалось, что жизнь и работа на предприятиях и в частных хозяйствах «рейха» непосредственно соответствуют этому идеалу. Подобная социальная реклама должна была служить мобилизующим фактором в ходе вербовочных кампаний. Распространенным пропагандистским ходом в данном случае было цитирование в газетных публикациях и радиопередачах выдержек из писем женщин «остарбайтеров». Как правило, они рассказывали о преимуществах жизни в «Новой Европе», о системе социальных льгот и гарантий, действующих для восточных работниц в Германии.

При этом оккупационные власти использовали самые различные формы и средства идеологического воздействия на женскую аудиторию. Важнейшим из них стала периодическая печать. Как отмечает белорусская исследовательница Николаева И.В., в оккупационной периодике присутствовали особые рубрики под названием «Страница для женщин» или «Листок для женщин» [Николаева, 2018, с. 324]. На территории оккупированной Советской Белоруссии выходили специальные женские издания – «Женский листок» и «Для женщин». Следует отметить, что указанные периодические издания выходили за пределами Генерального округа Беларусь, в тыловой зоне группы армий «Центр». А оккупационные газеты, например, «Новый путь», «Беларуская газета», выходившие под патронатом администрации Кубе, также публиковали материалы по «женскому вопросу» и распространялись на территории округа.

Кроме того, В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций. Это были «Объединение белорусских женщин» и «Всебелорусский женский комитет», как отмечала автор ранее [Пушкаренко, Шамрина, 2020, с. 134], [НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2]. Само их наличие должно было служить доказательством особого внимания немецкой администрации к нуждам и чаяниям белорусских женщин, неким институциональным выразителем их интересов, свидетельством серьезности и правдивости заявляемых пропагандой намерений немецкой администрации в области решения «женского вопроса». Даже Союз белорусской молодежи (СБМ), одна из молодежных коллаборационистских организаций, во многом представлявшая собой кальку с «гитлерьюгенда», делился по половому признаку. В «союзе» существовало два отделения – для юношей и девушек, каждое из которых специализировалось с учетом возрастных, гендерных, образовательных, национальных и прочих характеристик своих членов. Характерно, что глава «женского» отдела СБМ врач Н. Абрамова занимала видное место в деятельности т. н. «белорусского актива»: регулярно выступала с публикациями в оккупационных изданиях, выступала с лекциями [Мигунова, 1998, с. 81], [Романько, 2013, с. 120]. Ее активная публичная деятельность в области национальной, молодежной и «женской» политики служила своего рода доказательством возможностей для профессионального и творческого самовыражения и участия в общественной жизни, которые предоставляет немецкая администрация белорускам. Целями работы «женских» отделов СБМ были определены «воспитание женщины-матери и женщины-националистки», а также «подготовка специалистов в различных сферах деятельности в соответствии с физическими и моральными качествами женщины» [НАРБ. Ф. 381. Оп. 2. Д. 3. Л. 5].

Во многом аналогичную пропагандистскую роль играла и известная белорусская поэтесса Наталья Арсеньева. Она выступала в образе национальной белорусской писательницы-поэтессы, автора известных поэтических произведений, публиковавшихся в «Белорусской газете». Арсеньева, будучи по национальности русской, писала на белорусском языке, проявила себя как талантливая и самообытная поэтесса, которая оставила яркий след в развитии белорусской культуры военного периода. Ее произведения публиковались и в издании Союза белорусской молодежи «Жыве Беларусь!» [Лыч, 2011, с. 139]. Во многом ее стихи были глубоко патриотичны, и можно только сожалеть, что годы наиболее яркого литературного творчества Арсеньевой пришлось на суровое время войны. А известное стихотворение Н. Арсеньевой «Молитва» стало в 90-е годы прошлого века одним из символов национального возрождения Беларуси.

Обе фигуры – Н. Абрамовой и Н. Арсеньевой – были весьма популярны в культурном и информационном пространстве округа и играли ведущую роль в пропаганде идеологии «белорусизации», инициированной В. Кубе. Фактически и Абрамова, и Арсеньева входили в число высших деятелей в ареопаге т. н. «белорусского актива» и являли собой пример белорусского женского коллаборационизма.

Вышеназванные «женские» и молодежные объединения активно участвовали в пропаганде, культурной и образовательной политике администрации Кубе. Помимо идеологического влияния, они должны были содействовать проведению вербовочных кампаний и выполнению тем самым планов поставок остарбайтеров, возложенных на руководство округа. Именно белорусские женщины должны были восполнить нехватку рабочих рук в военной промышленности и в частных хозяйствах нацистской Германии. Источником этих кадровых резервов стали молодые белоруски в возрасте от 15 до 35 лет. Распоряжение генерального уполномоченного по труду Ф. Заукеля от 8 сентября 1942 г. предписывало отправить в Германию до 400 тыс. «помощниц по хозяйству», в том числе 250 тысяч женщин должны были «поставить» рейхскомиссариаты Остланд и Украина [Herbert, 1985, s. 175–177].

Уже первой вербовочной кампании, проходившей в декабре 1941 г., предшествовала пропагандистская акция. Прошли устные и радиовыступления пропагандистов об условиях жизни и труда в Германии, были оборудованы фотовитрины, организовано издание пропагандистских материалов, проведение экскурсий и поездок в Германию [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 9]. Для активизации вербовочных акций Вильгельм Кубе привлек белорусских коллаборационистов. Он обратился к главе Белорусской народной самопомощи (БНС) И. Ермаченко с требованием подключить БНС к пропагандистской работе среди женщин. Кубе отметил, что «белорусская деревня переполнена нигде не работающими молодыми девушками и женщинами» [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 13].

При этом содержание пропаганды резко контрастировало с реалиями оккупационной политики. В приказах и циркулярах оккупационных властей в отношении женщин допускались выражения о «жесткой селекции», словно речь шла о домашнем скоте, часть из которого следовало выбраковывать. В требованиях к потенциальным домработницам особая роль отводилась их внешним данным, чтобы они максимально соответствовали типу немецкой женщины.

В циркуляре Гимmlера относительно порядка проведения вербовок говорилось, что необходимо дифференцированно относиться к приезжим работницам и проводить их расовый отбор еще до отправки в «рейх». Отбор представлял собой «жесткую селекцию» по внешнему виду и расовым признакам. Подчеркивалось, что если в домашнем хозяйстве имеются работницы-немки, то их следует выделять, а с приезжими обращаться свысока, чтобы между ними не возникло «чувство солидарности» [Белорусские остарбайтеры, 1996, с. 165–168].

В практике мобилизации белорусских женщин использовались и методы прямого принуждения, когда подходивший по возрастным и прочим параметрам «контингент»

насильственно вывозили в Германию. Кроме всего прочего, это стало одним из способов решения «бандитской» угрозы, т. е. борьбы с партизанами. Принудительной отправке подлежали работоспособные женщины от 15 до 60 лет, в том числе женщины с детьми в возрасте старше 10 лет [НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 37. Л. 203]. Очевидно, что подобные методы вербовки вызывали только страх и неприятие по отношению к немецким властям, в результате чего всякая пропаганда становилась непродуктивной.

На противоречие между содержанием пропаганды и реальной практикой проведения вербовок указывал глава БНС И. Ермаченко. Он представил В. Кубе аналитическую записку «О положении белорусского народа», в которой рассуждал об имеющемся человеческом потенциале Беларуси, доселе не задействованном в ходе мобилизаций. В записке указывалось на то, что белорусская земля располагает еще достаточными человеческими резервами, которые можно было бы использовать на благо «рейха». Кроме того, Ермаченко отмечал негативные последствия жестокого обращения с «восточными» работниками для пропаганды [НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 5. Л. 21–39].

На недостатки вербовочных акций указывал и старший пропагандист Центрального бюро профсоюзов Беларуси С. Колядко. Он, в частности, рекомендовал зарегистрировать на бирже труда всех домохозяек, имеющих на воспитании детей в возрасте до 5 лет, и освободить их в пропагандистских целях от отправки на работу в Германию. Колядко считал, что подобный шаг станет свидетельством заботы о женщинах и детях и нанесет сокрушительный удар по советской пропаганде [НАРБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–7].

Применение насильственных методов мобилизации, угроз и запугиваний крайне негативно отражалось на результатах пропагандистских кампаний, инициированных Кубе. Генеральный комиссар резко реагировал на рапорты своих подчиненных, в которых сообщалось об отрицательных последствиях для идеологической работы действий сил СС и полиции. Кубе, будучи приверженцем «мягкой силы», основную ставку в обеспечении поставок рабсилы сделал на пропаганду. Своим подчиненным Генеральный комиссар Беларуси неоднократно указывал на недостатки в работе, в особенности на недопустимость угроз и применения силы. Например, в письме Кубе окружным комиссарам от 11.08.1943 г. говорится о недопустимости использования угроз и насилия по отношению к работникам, так как это имеет крайне негативные политические последствия [НАРБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 85. Л. 12].

В ходе одного из совещаний в Генеральном комиссариате, посвященном вопросам вербовочных акций, начальник отдела труда и социальной политики Генерального комиссариата Фройденберг констатировал значительное отставание Генерального округа в наборе остарбайтеров [Белорусские остарбайтеры, 1997, с. 206], [Gerlach, 2014, s. 876]. Здесь же вскрылись и причины отставания округа в вербовке рабочей силы. Как выяснилось, руководители многих предприятий попросту угрожали людям отправкой в Германию за плохую работу [«Ostarbeiter» – «Остарбайтеры», 2003, с. 19]. Реакцией Кубе стали слова о том, что Германия не должна ассоциироваться с исправительной колонией. Однако его предупреждение не возымело действия. Практика насильственного захвата людей продолжилась, свидетельством чему стало письмо «главного руководителя девушек» при штабе Союза белорусской молодежи к своей подчиненной от 30.06.1944 г. В нем с возмущением указывалось на недопустимость применения угроз отправки в Германию в адрес «непослушных». Предписывалось обращать внимание девушек на перспективы жизни и труда в Германии, а в идеологической работе опираться на личный авторитет, а не угрозы и запугивания [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 51. Л. 5–7].

Невозможность выполнения планов поставок заставила Кубе выступить против навязанных цифр. На проходившем в середине июля 1943 г. совещании по вопросу набора остарбайтеров он обратил внимание Заукеля на то, что планы поставок невыполнимы в силу объективных причин. В их числе он назвал и деятельность партизан, и явное сопротивление населения политике оккупационных властей. Кубе выступил с предложением

сокращения для Генерального округа Беларусь квоты поставок. Процентное распределение норм поставок рабочей силы между генеральными округами Остланда Кубе назвал «несправедливым». Он посетовал на то, что для округа Беларусь из министерства «спускают» завышенные цифры, чтобы таким образом компенсировать недопоставку рабочей силы другими округами Остланда. Он указал на тот факт, что подчиненная ему территория сильно пострадала в демографическом плане вследствие проведенной накануне войны мобилизации, а также в результате боевых действий. Кубе подчеркнул, что соотношение населения явно деформировано и составляет 61 % женщин и 39 % мужчин соответственно, при этом значительная часть мужского населения пополняет ряды партизан [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 156–158].

Оценивая эффективность пропагандистской деятельности, немецкие источники уже в конце 1942 г. указывали на целый ряд просчетов в организации вербовок. В их числе были названы нарушения в доставке личных писем восточных работников на родину: они либо приходили с большим опозданием, либо имели следы перлюстраций. Указывалось, что это вызывает «опасное беспокойство среди населения» и «отрицательно воздействует на политические настроения» [НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 67–69].

Кроме того, невыполнение планов поставок рабочей силы списывалось на «существующую бандитскую опасность», т. е. на деятельность партизан. Констатировалось, что «акция по мобилизации домработниц ... имела малый успех». Из предписанного квотой числа в 30 000 домработниц к концу ноября 1942 г. было отправлено в «рейх» только 100 белорусок [НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947. Л. 245–247].

Негативно отражались на эффективности пропаганды и результатах вербовочных акций методы мобилизации рабочей силы. На совещании «гебитскомиссаров» в апреле 1943 г. Кубе отметил, что в работе вербовочных комиссий были допущены «коренные ошибки», в числе которых он назвал «охоту» на мирных граждан и их принудительную отправку в Германию. Генеральный комиссар заметил: «Если мы хотим остаться на этой территории и расширить ее границы до Смоленска, мы должны нести ответственность за соблюдение законов политической порядочности и что-то давать населению. Такими действиями мы совершаем регресс в культуре и цивилизации. Народ должен видеть, что мы лучше, чем большевики. Большевизм во многих делах запятнал себя кровью, но он обещал населению прогресс по сравнению с царским режимом» [НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395. Л. 23, 99].

Заключение

Таким образом, актуализация в немецкой пропаганде «женского вопроса» не принесла оккупационным властям ожидаемых результатов. С одной стороны, в организации агитационно-пропагандистской работы немецкой администрации были существенные просчеты. Потенциальных оstarбайтеров, вопреки содержанию агитационных материалов, зачастую просто запугивали перспективой отправки в Германию. С другой стороны, содержание пропаганды резко контрастировало с методами вербовок. Отмечались многочисленные случаи «охоты» на людей и их принудительный вывоз в Германию. В нормативных актах оккупационных властей в отношении женщин допускались выражения о «жесткой селекции», фактически производился отбор «человеческого материала» с учетом различных антропометрических данных. Как признавал глава немецкой гражданской администрации округа В. Кубе, применение насильственных методов мобилизации и угроз крайне негативно отражалось на результатах пропагандистских кампаний, в целом имело отрицательные политические последствия. В. Кубе инициировал создание в округе специальных «женских» организаций – «Объединения белорусских женщин» и «Всебелорусского женского комитета», которые должны были выступать в качестве дополнительного идеологического средства в процессе отбора и отправки белорусских женщин на ра-

боту в Германию. Однако расхождение между обещаниями о красивой и успешной жизни в «Новой Европе» и методами трудовой мобилизации женщин существенно девальвировало результативность немецкого идейно-политического влияния. Помимо этого, факторами, существенно снижающими эффективность оккупационной пропаганды и агитации, стали методы борьбы с партизанами, практикуемые силами СС и СД, карательные экспедиции против мирного гражданского населения в зонах действия партизан и, как следствие, рост партизанского движения.

Список литературы

- Беларуская газета. 1944. 24 траўня.
- Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. 1996. В 2 кн. Кн. 1 (1941–1942). Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск, НАРБ, 304.
- Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. 1997. В 2 кн. Кн. 2 (1943–1944) / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск, НАРБ, 472.
- Билалутдинов М.Д. 2007. Й.П. Геббельс о роли и месте женщины в национал-социалистическом обществе и государстве: Вестник Томского государственного университета, 305: 71–74.
- Ермаков А.М. 2010. Распределение гендерных ролей в Третьем рейхе в пропаганде Йозефа Геббельса: Ярославский педагогический вестник, 4, Том I (Гуманитарные науки): 65–71.
- Зигмунд А.М. 2000. Женщины нацистов. Москва, Ладомир, 226.
- Лыч Л.М. 2011. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.). Вільня, Наша Будучыня, 332.
- Мігунова А.А. 1998. Прапагандысцкая дзейнасць Саюза беларускай моладзі у 1943–1944 гг.: Весці беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, Мінск, БДПУ, 3: 8–85.
- Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370 (Генеральный Комиссариат Белоруссии (ГКБ), г. Минск). Оп. 1. Д. 304.
- НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395.
- НАРБ. Ф. 411 (Отдел пропаганды при Верховном командовании группы армий «Центр», г. Смоленск). Оп. 1. Д. 52.
- НАРБ. Ф. 381 (Белорусская центральная рада (БЦР), г. Минск). Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 384 (Центральное управление Белорусской самопомощи (БСП), г. Минск). Оп. 1. Д. 2.
- НАРБ. Ф. 385 (Руководящий штаб Союза белорусской молодежи (СБМ), г. Минск). Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 51.
- НАРБ. Ф. 391 (Борисовский окружной комиссариат, г. Борисов). Оп. 1. Д. 85.
- НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6.
- НАРБ. Ф. 555 (Центральное бюро профессиональных союзов (профсоюзов) Белоруссии, г. Минск). Оп. 1. Д. 1.
- НАРБ. Ф. 908 (Ермаченко Иван Абрамович). Оп. 1. Д. 5.
- НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 3.
- НАРБ. Ф. 3500 (Белорусский штаб партизанского движения). Оп. 2. Д. 37.
- НАРБ. Ф. 4683 (Институт историко-политических исследований, г. Минск). Оп. 3. Д. 947.
- На работу в Германию. Новый путь. 06.12.1942.
- Николаева И.В. 2018. Образ женщины в оккупационной периодической печати на территории Беларуси (1941–1944 гг.): Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова: 323–325.
- Пушкаренко Е.А., Шамрина Е.А. 2020. Гендерный аспект немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь): Известия Воронежского государственного педагогического университета, 3: 133–137. URL: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.

- Романько О.В. 2013. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945. Москва, Центрполиграф, 478.
- Шлоотц І. 1996. Нямецкая прапаганда на Беларусі 1941–1944. Канфрантацыя паміж прапагандай і рэчаіснасцю. Выстаўка у Берліне і Мінску. Берлін: Свабодны ўніверсітэт Берлін, 80.
- Gerlach C. 2014. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1945, Hamburg: Hamburger Edition, 1232.
- Herbert U. 1985. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reichs. Berlin, 265 s.
- «Ostarbeiter» – «Ostarбайтеры». 2003. Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich Dokumente und Materialien. Принудительный труд белорусского населения в Австрии Документы и материалы. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, Graz, Sonderband 2 Graz – Minsk, 331.

References

- Belaruskaja gazjeta. 1944. 24 traŭnja.
- Belorusskie ostarbajtery. Ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju (1941–1944): Dokumenty i materialy [Belarusian ostarbeiters. Hijacking of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941–1944): Documents and materials]. 1996. V 2 kn. Kn. 1 (1941–1942). Sost. G.D. Knat'ko, V.I. Adamushko i dr. Minsk, NARB, 304.
- Belorusskie ostarbajtery. Ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju (1941–1944): Dokumenty i materialy [Belarusian ostarbeiters. Hijacking of the population of Belarus for forced labor in Germany (1941–1944): Documents and materials] 1997. V 2 kn. Kn. 2 (1943–1944). Sost. G.D. Knat'ko, V.I. Adamushko i dr. Minsk, NARB, 472.
- Bilalutdinov M.D. 2007. J.P. Gebbel's o roli i meste zhenshhiny v nacional-socialisticheskom obshhestve i gosudarstve [Goebbels on the role and place of women in National Socialist society and the state]: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 305: 71–74.
- Ermakov A.M. 2010. Raspredelenie gendernyh rolej v Tret'em rejhe v propagande Jozefa Gebbel'sa [Distribution of gender roles in the Third Reich in the propaganda of Joseph Goebbels]: Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 4, Tom I (Gumanitarnye nauki): 65–71.
- Zigmund A.M. 2000. Zhenshhiny nacistov [Nazi Women]. M., Ladomir, 226.
- Lych L.M. 2011. Nacyjanal'na-kul'turnae zhyccjo na Belarusi ŭ chasy vajny (1941–1944 gg.) [National and cultural life in Belarus during the war (1941–1944)]. Vil'nja: Nasha Buduchynja, 332.
- Migunova A.A. 1998. Prapagandysckaja dzejnasc' Sajuza belaruskaj moladzi u 1943–1944 gg. [Propaganda activities of the Union of Belarusian Youth in 1943–1944]: Vesci belaruskaga dzjarzhaŭnaga pedagogichnaga universitjeta, Minsk, BDPU, 3: 80–85.
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 370 (General'nyj Komissariat Belorussii (GKB), g. Minsk). Op. 1. D. 304.
- NARB. F. 370. Op. 1. D. 1395.
- NARB. F. 411 (Otdel propagandy pri Verhovnom komandovanii grupy armij «Centr», g. Smolensk). Op. 1. D. 52.
- NARB. F. 381 (Belorusskaya central'naya rada (BCR), g. Minsk). Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 384 (Central'noe upravlenie Belorusskoj samopomoshchi (BSP), g. Minsk). Op. 1. D. 2.
- NARB. F. 385 (Rukovodyashchij shtab Soyuz belorusskoj molodezhi (SBM), g. Minsk). Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 385. Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 385. Op. 2. D. 51.
- NARB. F. 391 (Borisovskij okružnoj komissariat, g. Borisov). Op. 1. D. 85.
- NARB. F. 411. Op. 1. D. 6.
- NARB. F. 555 (Central'noe byuro professional'nyh sojuzov (profsojuzov) Belorussii, g. Minsk). Op. 1. D. 1.
- NARB. F.908 (Ermachenko Ivan Abramovich). Op. 1. D. 5.
- NARB. F. 3500. Op. 2. D. 3.
- NARB. F. 3500 (Belorusskij shtab partizanskogo dvizheniya). Op. 2. D. 37.
- NARB. F. 4683 (Institut istoriko-politicheskikh issledovanij, g. Minsk). Op. 3. D. 947.
- Na rabotu v Germaniju. Novyj put'. 06.12.1942.

- Nikolaeva I.V. 2018. *Obraz zhenshhiny v okkupacionnoj periodicheskoj pechati na territorii Belarusi (1941–1944 gg.)* [The image of a woman in the occupation periodical press on the territory of Belarus (1941–1944)]: Nauka – obrazovaniju, proizvodstvu, jekonomike: materialy HSH Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov: v 2-h tomah. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova: 323–325.
- Pushkarenko E.A., Shamrina E.A. 2020. *Gendernyj aspekt nemeckoj propagandy na okkupirovannoj sovsckoj territorii (na materialah General'nogo okruga Belarus')* [The gender aspect of German propaganda in the Occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)]: *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 3: 133–137. URL: https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.
- Roman'ko O.V. 2013. *Belorusskie kollaboracionisty: sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii, 1941–1945* [Belarusian collaborators: cooperation with the occupiers on the territory of Belarus, 1941–1945]. Moskva: Centrpoligraf, 478.
- Shlootc I. 1996. *Njameckaja prapaganda na Belarusi 1941–1944. Kanfrantacyja pamizh prapagandaj i rjehaisnascju. Vystajka u Berline i Minsku* [German propaganda in Belarus 1941–1944 confrontation between propaganda and reality. Exhibition in Berlin and Minsk]. Berlin: Svobodnyj universitjet Berlin, 80.
- Gerlach S. 2014. *Kalkulirte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1945*, Hamburg: Hamburger Edition, 1232.
- Herbert U. 1985. *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reichs*. Berlin, 265 s.
- «Ostarbeiter» – «Ostarbajtery». 2003. *Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich Dokumente und Materialien. Prinuditel'nyj trud belorusskogo naselenija v Avstrii Dokumenty i materialy*. Veröffentlichungen des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, Graz, Sonderband 2 Graz – Minsk, 331.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pushkarenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia